

оригинальная статья

Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства Н. А. Михайловским

Беспалько Денис Николаевич

Забайкальский государственный университет, Россия, Чита

<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>bespalkodenis84@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2023. Принята после рецензирования 25.04.2023. Принята в печать 28.04.2023.

Аннотация: Рассматривается не свойственный для чиновничье-бюрократической номенклатуры Дальневосточной республики (1920–1922) научный подход к пониманию и концепции реализации закона о государственной пушной монополии руководителя Подотдела по делам рыболовства и охоты Министерства земледелия Н. А. Михайловского. Целью данной статьи является комплексный анализ взглядов Н. А. Михайловского на природу пушной монополии, опыт ее внедрения в ДВР, последствия от общей непродуманности методов реализации и пути выхода из кризиса в промыслово-сырьевой отрасли экономики. Исследование основано на принципах объективности и историзма, использованы историко-генетический и формально-юридический методы. Понимая всю порочность наспех принятых положений закона, приведшего к многократному снижению объема легально заготавливаемой Центросоюзом кооперативов пушнины и соответственно увеличению контрабандного вывоза за границу, он не отвергал возможности направить законотворческий процесс монополизации пушнозаготовок в положительное русло. Сложнейшая внешнеполитическая обстановка буферного трансграничья и внутренний экономический кризис как объективное отражение реального положения дел заставляли действовать на пределе ведомственных возможностей, преодолевать сопротивление контролирующей работу организации и Минпродторга, аккуратно говорить на межведомственных совещаниях о криминальных структурах, ответственных за налаживание канала по бесперебойному вывозу пушной «контрвалюты». На протяжении 1921 – начала 1922 г. им был предложен целый ряд мер, направленных на организацию более рациональной системы промысловых заготовок при сохранении ограниченной формы монополии. Как следствие, были выработаны и частично приняты к реализации верные законодательные установки взаимоотношения правительства республики с охотничье-промысловым населением, живущим продуктами охоты и являющимся сезонным заготовителем пушнины.

Ключевые слова: Н. А. Михайловский, закон о государственной пушной монополии, пушно-меховое сырье, критика закона, Дальневосточная республика (ДВР)

Цитирование: Беспалько Д. Н. Государственная монополизация пушнозаготовок в ДВР в 1920–1922 гг. как предмет объективного восприятия и критики руководителем промыслового ведомства Н. А. Михайловским. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 6. С. 806–817. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-806-817>

full article

State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department

Denis N. Bepalko

Transbaikal State University, Russia, Chita

<https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>bespalkodenis84@mail.ru

Received 3 Mar 2023. Accepted after peer review 25 Apr 2023. Accepted for publication 28 Apr 2023.

Abstract: The article discusses the state fur monopoly in the Far Eastern Republic (1920–1922). N. A. Mikhailovsky was the head of the Sub-Department for Fisheries and Hunting at the Ministry of Agriculture. His scientific approach to fur monopoly was rather unusual for the bureaucratic nomenclature of those days. The author performed a comprehensive

analysis of N. A. Mikhailovsky's views on the nature of the fur monopoly, the experience of its implementation in the Far Eastern Republic, the consequences of the poor implementation methods, and the ways the commercial and raw material economy used to get out of the crisis. The research relied on the principles of objectivity and historicism, with historical-genetic and formal-legal methods. N. A. Mikhailovsky could foresee the disastrous outcome of the hastily adopted legal provisions as the sudden drop in fur legally harvested by the Central Union of Cooperatives led to smuggling. However, he did his best to improve the legislative procedure of state monopolization. N. A. Mikhailovsky faced the difficult foreign policy situation in the frontier and the domestic economic crisis. He had to act at the limit of his departmental capabilities, trying to overcome the resistance of the controlling organs, e.g., the Ministry of Industry and Trade. He made a number of very careful attempts to bring to the authorities the situation with gangs that smuggled the fur "counter currency" abroad. During 1921 – early 1922, he proposed a number of measures to rationalize the system of commercial fur harvesting while maintaining a limited state monopoly. As a result, the government took the correct legislative strategy to establish productive relationships with the local hunting communities.

Keywords: N. A. Mikhailovsky, state fur monopoly, fur raw materials, criticism of the law, Far Eastern Republic

Citation: Беспалько Д. Н. State Monopolization of Fur Hunting in the Far Eastern Republic in 1920–1922: Perspective of N. A. Mikhailovsky, Head of Fishing Department. *SibScript*, 2023, 25(6): 806–817. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-6-806-817>

Введение

Заготовка пушнины в Дальневосточной республике (ДВР) до декабря 1920 г. осуществлялась согласно установившимся еще в дореволюционной России правилам, когда охотник являлся преимущественно добытчиком и не поставлял добытую в тайге продукцию на рынок. За него этим занимались многочисленные посредники. В сокращенном варианте схема заготовок выглядела следующим образом: пушнина скупалась разъездными агентами частных и государственных заготовительных фирм, а также мелкими скупщиками и нанимателями охотничье-промысловых бригад, что перепродавали ее более крупным торговцам. При этом распространенным вариантом начала рабочей схемы было заключение заготовительных договоров напрямую с охотниками или скупщиками сырья, доставляющими пушнину в условленную точку сбора, на фабрику, где ее принимал агент. Порой наблюдалась ситуация, когда пушная партия, заготовленная в отдаленных районах, например на севере, прежде чем попасть к лицензированному заготовителю, имеющему право вывоза за рубеж, проходила через 5–7 перекупщиков. Если пушнина сразу после сбора не отправлялась к внутреннему или зарубежному заказчику, то она поступала на ярмарки, где концентрировалась в руках крупных торговых компаний, а затем поступала на международные аукционы.

Таким образом, охотничье-промысловое население республики в качестве заработка имело сезонный, но незначительный доход. Основную же прибыль из торговых операций с пушно-меховым сырьем извлекали разнообразные перекупщики и спекулянты.

Государство регулировало данную сферу товарооборота посредством налоговой политики и отчасти незначительной доли участия в заготовках, не препятствуя развитию предпринимательской деятельности на всех уровнях.

К концу 1920 г. ввиду состояния общехозяйственной разрухи и срочного формирования контрвалютной единицы, выраженной в пушном эквиваленте, правительство ДВР вынуждено было принять рискованное решение о введении государственной монополии на заготовку и торговлю сырьем животного происхождения. В первую очередь новые правила распространялись на пушнину. Скорее всего, республиканские власти ориентировались на советскую программу преодоления хозяйственно-экономического кризиса в годы проведения политики военного коммунизма, одним из направлений которой стало установление в январе 1919 г. государственной монополии на скупку пушнины у населения по твердым заготовительным ценам.

Закон о государственной пушной монополии, принятый Правительством ДВР в декабре 1920 г.¹ и реализованный рядом крайне поспешных, непродуманных действий в рамках его положений, с первых же дней подвергся ожесточенной критике большинством населения республики, так или иначе задействованного в сезонно-промысловых заготовках товарных продуктов охоты. Гневная критика опубликованных в печатных средствах массовой информации правительственных постановлений касалась не только практической, но и теоретической основы как залога

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 69. Л. 6–6 об.; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–46.

законного распоряжения государством своими регалиями². Само понятие государственной монополизации пушнозаготовок, этой важнейшей сферы охотничье-промысловой отрасли сырьевой экономики, воспринималось обществом не иначе как посягательство на свои естественные экономические права, негласно реализуемые на Дальнем Востоке с момента его освоения русскими землепроходцами в XVII в. [Бабай 1983: 15; Васильченко 2010; Саблин 2020].

Согласно данному закону, частная торговля пушниной и иным промысловым товаром на территории ДВР запрещалась, имеющееся в наличии и не предназначенное для бытовых нужд в принудительном порядке отчуждалось в пользу государства путем сдачи уполномоченным Минпродторга или Нарревкома. Единственным лицензированным заготовителем, т. е. контрагентом Минпродторга по организации и производству скупки продуктов охоты, назначался Центросоюз кооперативов [Федотов 2008]. Многочисленные мелкие и средние частные посредники, играющие важную роль в концентрации этих продуктов на пунктах таможенного сбора, ликвидировались. Устанавливались фиксированные цены на каждый вид и сорт пушнины, что должно было способствовать стабилизации внутреннего пушного рынка, раздираемого нездоровой конкурентной борьбой недобросовестных заготовителей³. Иными словами, государство сосредотачивало в своих руках не только право внешней торговли, но и право свободного распоряжения добытчиком и заготовителем всеми категориями продуктов охоты на внутреннем рынке ДВР⁴.

Объяснить населению в доступной форме истинные причины законодательного нововведения [Позняк 2020; Сонин 2011], т. е. создание из продуктов охоты контрвалюты, временно заменяющей истощившиеся запасы золотовалютного резерва при расчетах на внешнем рынке, никто не озаботился.

Реализация намеченной программы концентрации в руках правительства пушнины и прочего сырья животного происхождения по ряду причин провалилась и привела к серьезным экономическим убыткам, вызванным частичной дестабилизацией прежней системы заготовок и массовой контрабандой за рубеж. По мнению исследователей дальневосточной проблемы незаконного вывоза биологических ресурсов

и продуктов животного сырья [Беляева и др. 2010; Залеская 2001; Ляпустин 2008], общие показатели контрабанды в сравнении с заготовками за 1921–1922 гг. по ДВР могли достигать 60–80 %. Усилилось браконьерство, в особенности пострадали Приморская область и Камчатка [Сухомиров 2020: 222–225]. Японские и американские браконьеры практически полностью истребили на островах популяции каланов, сильно сократилась численность соболя и чернобурой лисицы⁵. Приблизительная оценка падения доходов казны от продажи пушнины на международных аукционах составила только за 1921 г. более 200 %⁶.

Из основной массы критиков промыслового законодательства глубиной и шириной взглядов на природу пушной монополии и практику ее внедрения на территории ДВР выделяется глава республиканского ведомства по делам рыболовства и охоты, подчиненного Министерству земледелия, Н. А. Михайловский (1860–1930). Современникам он запомнился, прежде всего, как автор научных трудов по лесному делу и охотоведению⁷. Частично сохранившийся послужной список отражает богатый практический опыт работы в сфере редакторской деятельности (журналы «Природа и охота», «Наша охота»), лесоохранных мероприятий, сельскохозяйственного и лесного межевания земель в Переселенческом управлении.

В Забайкалье был переведен из Семипалатинской области ориентировочно в 1915–1916 гг. производителем работ старшего оклада Амурской землеотводной партии для топографических и геоботанических работ на востоке региона. После образования в ноябре 1918 г. Омского правительства во главе с А. В. Колчаком был зачислен в Департамент земледелия на должность заведующего Иркутско-Забайкальским охотничьим районом (1919–1920), затем занимался делами Управления рыбо-охотничьей отрасли экономики Забайкалья и отчасти морскими звериными промыслами ДВР и Дальнего Востока до 1924 гг. Трудился в Дальконцескоме, преподавал в Читинском лесотехническом колледже [Климов 2022: 268–269]. Детально изучил историю развития охотничье-промыслового хозяйства дореволюционной России, Европы и Северной Америки, что позволило сформировать ясное представление об его организации и структуре, методах и средствах

² Воротников В. Результат несогласованности. *Дальневосточный путь*. 1922. № 85. С. 1.

³ Петров П. Свобода торговли. *Дальневосточная республика*. № 188. 1920. С. 1.

⁴ Владыкин В. Принципы внешней торговли. *Дальневосточная республика*. 1920. № 161. С. 1.

⁵ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-714. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12, 36.

⁶ ГАЗК. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.

⁷ Рукописи его находятся в ГАЗК. Ф. Р-1565. 75 ед. хр.

рациональной эксплуатации угодий, звероводстве и дичеразведению, выходе из сложившихся кризисных обстоятельств⁸.

Его идеологические предпочтения, редкий раз проступающие на страницах пояснительных записок к тем или иным проектам, можно охарактеризовать как нейтральные. Он не имел идиллических представлений о монархии и прохладно относился к революционному движению. После 1917 г. остался беспартийным, так и не вступив в ряды ВКП(б). Нелестно отзывался обо всех этапах строительства рыбо-охотничьего хозяйства вплоть до 1920-х гг. По его мнению, государство в лице фискальных органов власти интересовало только доходный вопрос, а интеллигенция жила одним днем, не сумев встать впереди промысловой охотничьей массы и направить ее на разумный путь пользования биологическими богатствами прошлого. Более того, «она соревновалась с темной массой в хищничестве, не заботясь о проведении в эту массу здравых понятий о нуждах промысла»⁹. Принимая активное участие в общественной жизни республики, он критиковал все разделы рассматриваемого закона, полагая, что если подойти к природе пушно-сырьевой монополизации с другой, научно-практической стороны, то и результаты пушнозаготовительных кампаний окажутся не только иными с финансовой точки зрения, но и достойными понимания широкой общественностью.

Актуальность разработки темы исследования определяется чрезвычайно скудной историографией проблематики пушной монополизации охотничье-промыслового сектора сырьевой экономики ДВР. Основной массив заметок и небольших по объему статей критического характера приходится на краткий период существования Дальневосточной республики¹⁰ и 1923–1929 гг., когда прорабатывались вопросы внедрения государственной монополизации пушнозаготовок в районах традиционного проживания и кочевья туземных народов¹¹. В более позднее время к обозначенной проблеме практически не обращались, редкий раз указывая в работах общего содержания факт неудачной реализации соответствующего закона [Залесская 2001: 78;

Константинов, Константинова 2009: 107]. В 2019 г. вышло исследование автора, обозначившее отдельные контуры проблемы причинно-следственных связей перехода к политике пушной монополии и ее социально-экономические последствия [Беспалько 2019a]. Научное наследие Н. А. Михайловского также отличается слабой степенью изученности. Основными причинами отсутствия своевременной публикации его фундаментальных трудов послужили недостаток ведомственного финансирования и принципиальное несогласие ученого с концессионной программой хищнической эксплуатации природных ресурсов Дальнего Востока в период проведения нэпа.

Целью данной статьи является комплексный анализ взглядов Н. А. Михайловского на природу пушной монополии, опыт ее внедрения в ДВР, последствия от общей непродуманности методов реализации и пути выхода из кризиса в промыслово-сырьевой отрасли экономики.

Методы и материалы

Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования, принципами объективности и историзма. Исходя из них, в статье определен и использован ряд методов научного познания: историко-генетический – с его помощью последовательно раскрыты основные проблемы развития политики государственной монополизации пушнозаготовок и отношение к процессу Н. А. Михайловского; формально-юридический метод находится в основе систематизации малоизученной практики законодательства пушно-сырьевой монополизации времен ДВР.

Изучена специализированная научная и справочная литература. Статья написана на архивных материалах, многие из которых впервые вводятся в научный оборот:

- документы фонда Р-1565 (личные рукописи и неопубликованные труды Н. А. Михайловского);
- ведомственные материалы Иркутско-Забайкальского охотничьего района;
- материалы Министерства земледелия и Народного хозяйства ДВР 1920–1922 гг.

⁸ Михайловский Н. А. Охотничий вопрос и роль концессионной формы эксплуатации пушных богатств в организации правильного охотничьего хозяйства. ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5–7.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5. Л. 257.

¹⁰ Б. К вопросу о монополии внешней торговли на Д.В. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 5–7. С. 107–116; Анисимов В. Состояние производительных сил и перспективы экономического развития ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 1. С. 15–39.

¹¹ Литвинцев В. К концентрации пушного рынка. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1924. № 2. С. 122–124; С-н. К. Хозяйственное развитие региона. *Экономическая жизнь Амура*. 1924. № 1. С. 23–27; Кабрицкий И. Основные вопросы политики заготовительных цен. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1928. № 1. С. 82–91; Добровольский И. Д. К вопросу об охотничьем хозяйстве в ДВК. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1927. № 9. С. 33–60.

Результаты

Осенью 1920 г., накануне принятия закона о пушной монополии, в печатных СМИ вышел ряд дискуссионных статей, авторы которых по-разному оценивали перспективы государственной монополизации сырьевой отрасли экономики¹². Присоединяясь к столь важному обсуждению насущной проблемы, Н. А. Михайловский рассматривал природу доходных прерогатив казны с точки зрения философского понимания ценности данного явления и ставил перед противниками любой формы монополии вопрос первостепенной значимости, а именно – заключается ли в «монопольном праве источник зла, как его сущность?». И далее, обращаясь к терминологическому объяснению И. Канта, об относительности добра и зла, отвечал отрицательно, ибо форма осуществления монополии как права может одинаково стать и тем, и другим¹³. Пушная монополия, нанеся огромный ущерб казне, рассуждал он, «явилась такой не потому, что этого рода монополия изначально неверна, нет, а исключительно по непродуманности форм проведения ее в жизнь, скоропалительности и общей уродливости тезисов ее структуры»¹⁴.

Исторически пушная монополия, по мнению Н. А. Михайловского, имеет множество запутанных законодательных основ, и в конкретных исторических реалиях, о которых речь пойдет ниже, может быть осуществлена двояко: с одной стороны – в полном объеме, с запретом частной торговли пушниной и принудительной ее сдачи в казну по зафиксированному на год ценам. С другой – в объеме неполном, при концентрации пушнины в руках казны как валютного товара для экспорта, который в этом случае только и составляет монополию казны. Частная же торговля внутри страны остается свободной. Рассматривая обе формы как удобные для государства, но для времени ДВР неравноценные, он предельно точно определяет природу пушного товара как главного источника преткновения:

- 1) товар этот ценен, малого объема и веса, весьма портативен и легко скрывается, поэтому принудительное его отчуждение, невыгодное владельцу, трудноосуществимо;
- 2) внутренним рынком пушнина потребляется в ничтожном размере, и представляет собой почти исключительно объект экспорта, почему и концентрируется естественным путем, проходя через руки различных спекулянтов, в пунктах заграничной отправки;
- 3) каким путем этот товар достигает конечного пункта своего назначения для оптового приемщика – казне

безразлично. Казне важно только одно – не допустить этот товар перейти границу без уплаты экспортной пошлины, т. е. пресечь контрабандный вывоз¹⁵.

Этими тремя положениями и определяется прогрессивная с финансовой точки зрения форма пушной монополии для конкретного исторического времени и соответственный ей закон. Как отмечал известный охотовед и знаток промыслового законодательства С. А. Бутурлин, каждый закон является таковым, а не мертвой буквой, при условии выполнимости, в противном случае – он есть публичная наглядная проповедь беспорядка и анархии [Бутурлин 1930: 92–133].

Важным условием, несомненно, является своевременность принятия закона с учетом ряда факторов, из которых особняком стоит верная оценка существующего положения дел. Историческая обстановка, в которой происходило обнародование закона и введение таким образом пушной монополии, никоим образом не способствовала ее реализации в полном объеме. Скорее, наоборот, в условиях наступившего финансового краха требовался очень осторожный и деликатный подход, при котором естественным образом были бы соблюдены интересы всех заинтересованных сторон. Казне требовался постоянный доход, извлекать его предлагалось из наиболее высокодоходных отраслей, в том числе промыслово-сырьевой. Состояние же дел в данной сфере экономики обострялось удручающим образом, являясь все признаки организационно-технического кризиса. На что указывают:

- 1) отсутствие на территории дальневосточного региона полноценной практики внедрения охотничье-промыслового законодательства, организации охотничье-рыболовного управления, промыслового хозяйства и надзора;
- 2) пограничная и таможенная служба, способная контролировать все направления внешней торговли на территории ДВР, вовремя так и не была организована;
- 3) приемщиком пушнины как контрагентом казны по договору назначался Центросоюз кооперативов, недостаточно обеспеченный для товарообмена предметами первой необходимости, не имевший золотой валюты и специально подготовленного аппарата по осуществлению идеи монополии;
- 4) условия приема пушнины не согласовывались с хозяйственными задачами наспех сформированного промыслового подотдела Министерства земледелия

¹² Петров П. Свобода торговли...; Владыкин В. Принципы внешней торговли...

¹³ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 886–887.

¹⁴ Там же. Л. 887.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 307.

и определялись узко коммерческим заданием купли-продажи, весьма недостаточным в этой специальной сфере хозяйства, отличной от других сфер экономики;

5) обнародование, а следовательно, и фактическое введение пушной монополии, несмотря на всю важность этой государственной меры, производилось в срочном порядке, без выяснения степени заинтересованности в этом деле других ведомств и согласования общих интересов¹⁶ [Беспалько 2019а].

Подобное издание и осуществление закона говорит само за себя и ни в какой критике не нуждается. Пушнина потекла контрабандным путем мимо Центросоюза, чего и следовало ожидать [Ляпустин 2008: 34–53]. Сложившееся положение дел Н. А. Михайловский сравнивает с библейским грешником, когда в его роли оказалось при содействии торгового органа государство, самонадеянно предполагавшее на 100 % располагать утекшим контрвалютным товаром.

Изучив в феврале 1921 г. поступившие в ведомство по делам рыболовства и охоты полные гнева региональные доклады Народных обществ правильной охоты ДВР¹⁷, Н. А. Михайловский в официальном отчете перед руководством Министерства земледелия разделил мнение населения: «монополия должна быть построена на справедливых отношениях к добытчику-охотнику, иначе она превращается в тягостную для него реквизицию, добываемых им суровым трудом продуктов охоты. Всякое спекулятивное посредничество (в лице Центросоюза) должно быть устранено»¹⁸. Признавая оправданными основания введения казенной монополии на пушнину и необходимость сосредоточения таковой в руках казны, он считал нужным сказать, что в условиях финансовой разрухи у Правительства нет средств и сил для целесообразного и планомерного осуществления такого крупного мероприятия, требующего серьезных подготовительных работ. Осложняло ситуацию изначально непредвиденное обстоятельство – пушная монополия способствовала закрытию народных скорняжных предприятий, т. к. излишки сырья, не предназначенные для личных бытовых нужд, следовало сдать государству. Поэтому в обозначенных выше исторических реалиях не могло быть и речи о монопольном предприятии казны с пушшиной в строгом значении этого слова.

В сентябре 1921 г., перед IV кварталом промыслового сезона, напряжение в охотничьей среде существенно усилилось, внутренний пушной рынок захлестнула волна спекуляции, заготовленная в январе-марте пушнина массово оседала у самих добытчиков или уходила контрабандой за рубеж. В сложившихся условиях руководитель промыслового ведомства предложил немедленно отказаться от дальнейшего проведения политики монополии казны по торговле пушно-меховым сырьем. Основные усилия, по его мнению, стоило сосредоточить на концентрации сырья в руках казны, в каковых целях за казною и должно было оставаться исключительное право отпуска валютного товара за границу и только. Торговля же пушшиной на территории ДВР должна была вернуться к прежнему состоянию, осуществляться наравне с прочими товарами свободно и не ограничиваться какими-либо особыми на то правилами¹⁹.

В основе плана реализации более корректного варианта пушной монополии лежала ее частичная форма – концентрация пушнины в руках казны как валютного товара для внешней торговли. Прием пушнины должен был осуществляться по твердым закупочным ценам (сформированным в зависимости от ценовой политики на международных пушных аукционах) главным образом на пограничных линиях при посредстве правильно организованных «Правительственных аукционов»²⁰. В краткосрочной перспективе, по мнению Н. А. Михайловского, правительство ДВР таким образом могло решить ряд серьезных проблем:

1) освободить частную торговлю ценным товаром, трудно поддающимся учету и наблюдению, от совершенно не нужных в данном случае стеснений и тем самым упразднить вполне понятные обывательские нарекания по поводу своих действий;

2) упразднить громоздкую организацию выполнения договора с Центросоюзом, его монопольное право по заготовке продуктов охоты, закупке и распределению охотничье-боевых припасов, встреченную населением ДВР повсеместно враждебно;

3) сократить число административно-уголовных дел, связанных с нарушением закона о пушной монополии;

4) приостановить искусственно созданную спешку контрабандного вывоза пушнины за границу²¹.

¹⁶ Маслова П. Основные принципы таможенной политики в ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 1. С. 39–43; Анисимов В. Финансовые вопросы и финансовые задачи ДВР. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1922. № 3–4. С. 27–49.

¹⁷ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 308–308 об., 359 об.–384; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 48. Л. 14, 147–153 и др.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 308 об.

¹⁹ Там же. Л. 309.

²⁰ Добровольский И. Д. К вопросу о торговле пушшиной и организации пушных аукционов на Дальнем Востоке. *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1924. № 4. С. 58–62.

²¹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 5. Л. 420–436.

К лету 1921 г. пушнина на заграничном рынке существенно упала в цене, на мировых аукционах торгового оживления в этой сфере дел не наблюдалось. Соответственно, данной ситуацией временного затишья пушного ажиотажа следовало грамотно воспользоваться [Стасюкевич 2019; Ципкин, Орнацкая 2008: 117]. В итоге с отменой принудительной сдачи пушнины в основных местах ее сбора, рассуждал он, таковая должна была бы оставаться на руках первичных скупщиков и не вывозиться контрабандно за бесценок, в подходящий момент, а именно повышения закупочной цены, перепродаваться более крупным перекупщикам и в конце концов попасть на торги «Правительственного аукциона». Этим путем наличный сбор пушнины, исчисляемый по официальным данным в 20 %²², мог быть поднят до 50–75 % в зависимости от сезона и своевременности пересмотра неудачных положений закона о запрете частной торговли пушниной.

На следующем этапе, при условии принятия первых положений намеченного Н. А. Михайловским плана по реализации частичной пушной монополии, в задачи Правительства ДВР входило срочное выполнение целого перечня важных мероприятий, поддержанных большинством отделов и подразделов Министерства земледелия и Минпродторга, но не центральным руководством ведомств, на межведомственном совещании 10 февраля 1921 г.:

1) организация пограничной службы по типу военных подразделений лесоохраны, утвержденных циркуляром № 88 от 1888 г. Лесного Устава;

2) определение стратегически важных мест расположения пограничных пунктов с размещением необходимого оборудования для проведения «Правительственных аукционов»;

3) отправка правительственных агентов в центры мировой пушной торговли с целью своевременного получения актуальной информации о ценах на пушнину и прочих необходимых сведений по сезонным колебаниям курса мирового пушного рынка. В круге этого рынка важное место отводилось Китаю, потребляющему особый подбор свойственных ему товаров: панты, кабарожья струя, медвежья желчь, тигровая кость, усы и др.;

4) выработка строгих мер наказания за совершение социально-экономических правонарушений при заготовке пушно-мехового сырья: незаконный вывоз пушнины за границу частными лицами, удваивание

размера взыскания для иностранных подданных; наличие, продажа и покупка пушнины неспелой, запрещенных сортов или видов; обмен пушнины на спирт, наивысшая мера наказания без замены денежным штрафом (таким образом предполагалось защищать интересы коренных и малочисленных народов Дальнего Востока – эвенков, чукчей и др.); спекулятивный торг с охотниками-промышленниками в случае обнаружения такового (имеется в виду кратная накрутка цены за товар или недооценка пушнины в пользу товара)²³.

Данными мероприятиями ограничивался срочно-необходимый цикл работ по концентрации пушнины в руках казны, который в конечном счете должен был дать именно то, что требовалось правительству и составляло основу пушной монополии – наличие валютного товара, приобретенного единственно возможным путем, т. е. добровольным соглашением интересов граждан (сдатчиков) и казны (приемщика). В этом случае проигрыш казны от возможного повышения размера твердых закупочных цен с лихвой окупался излишком поступления пушнины и сохранением контрабандной утечки.

Следующие действия должны были строиться в соответствии с выработанными положениями межведомственных совещаний, проведенных с марта по декабрь того же года²⁴, где принимало участие значительное число сотрудников лесного хозяйства, отдела рыболовства и охоты, таможенной и пограничной службы, были представители Центросоюза и Минпродторга. Камнем преткновения при обсуждении возникших проблем государственной пушной монополии послужили неразрешенные вопросы хозяйственного развития республики и фактически ее экономической несостоятельности. Финансовый сектор представлял хаос одновременного хождения множества ничем не обеспеченных денежных знаков на местах, товарно-рыночные отношения неуклонно откатывались к уровню натурального обмена, когда в условиях острого дефицита ряда товаров промыслового назначения контрагенту казны по части пушнозаготовок порой было нечего предложить охотнику за его нелегкий труд. Устаревшие и сильно обветшавшие кремневые ружья сильно уступали в производительности пехотным винтовкам конца XIX в.

Но Центросоюз не имел возможности договориться с военным ведомством о частичном отпуске с артиллерийских складов Бердан № 2 образца 1870 г. и дробовиков 28–32 калибра, переделанных из трехлинейек образца 1891 г., по причине правительственного постановления о принудительной сдаче населением огнестрельного

²² ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 894.

²³ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 3. Л. 302–305; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 894–895.

²⁴ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 28. Л. 39–47.

оружия для нужд армии²⁵. Неудовлетворительное снабжение охотников стандартным набором продуктов питания и бытовыми принадлежностями, в частности, палаточным материалом и тонколистными печками-буржуйками, ставило под сомнение возможность 100 %-ного использования времени промыслового сезона. Без данных предметов существенная часть охотников заканчивала сезон не в марте, как полагалось, а в начале декабря с наступлением суровых холодов.

Проблема контрабандного вывоза сырья обсуждалась по понятным причинам с осторожностью. Н. А. Михайловский в этом отношении не считал частичную форму монополии на внешнюю торговлю некоей панацеей. Наоборот, усложнить ситуацию могло любое спорное решение, как, например, установление и в дальнейшем сохранение правительственного распоряжения о вывозных пошлинах на пушнину в размере 10 % от ее стоимости²⁶. Высокое таможенное обложение, как позднее писала П. Маслова после интервью с Н. А. Михайловским, более приближалось к запретительной мере, нежели облегчало легальный вывоз сырья за границу²⁷. На бумаге учреждался, но на практике практически не применялся промысловый надзор. Наборы в лесные воинские команды страдали, по всей вероятности, от приема в свои ряды откровенных браконьеров. Организация погранично-промысловой стражи в целях пресечения контрабандного вывоза пушнины за границу, наподобие дореволюционной таможенной пограничной стражи, по факту также не осуществлялась [Беляева 2012; Волочаева 2020; Шабельникова 2016].

Конфликтная ситуация возникла даже при порицании положений, с которым изначально и так предполагалась борьба, а именно упорядочивания пушного рынка за счет установления твердых закупочных цен на каждый вид и сорт пушнины, вследствие чего предложение от заготовителя по части завышения стоимости приобретаемого сырья у охотника становилось делом незаконным. Однако «фарисейство» в столь специфическом деле, как борьба за сдатчика продуктов охоты путем неофициального повышения закупочной цены на тот или иной вид сырья, считалось делом незасорным, из-за чего повсеместно процветала отвратительная практика «перекупа» охотников. Как бороться с данным явлением, помимо введения практики твердых цен, никто не знал,

поэтому брать на себя ответственность за смелые предложения отважилась лишь межведомственная группа сторонников Н. А. Михайловского. С трудом преодолев естественное сопротивление большинства чиновников-исполнителей, ни за что не несущих ответственности, его группа сумела отстоять принятие 29 сентября 1921 г. поправок, фактически отменяющих действие закона о пушной монополии²⁸.

В октябре 1921 г. был предложен и реализован ряд мер, пресекающих возврат к данной политике²⁹. Привилегированность монопольных приемщиков пушнины отменялась, т.к. интересы казны заключались не в том, кем и где собрана пушнина, а в количестве и качестве собранного. Малоподвижные и дорогие в обслуживании фактории и склады Центросоюза ограничивались в количестве. Взамен закрытых районных отделений организовывались передвижные ярмарки по местам нахождения инородцев и их стойбищ, целью которых стало продвижение предметов первой необходимости и боевых охотничьих припасов вглубь тайги, т.е. приближение их к потребителю, а не на вывоз его из тайги в факторию.

Минпродторгу вменялось в обязанность изыскать доступные способы своевременного снабжения своих контрагентов – приемщиков пушнины, в том числе путем открытия продовольственных складов³⁰, без чего осуществление заготовок было решительно невозможно. В целях расширения сети приемочных пунктов пушнины и приближения их к местам добычи предлагалось предоставить право охотничьим организациям открывать специальные охотничье-промысловые кооперативы. Подотделу охоты и рыболовства поручалось выработать нормальный устав организации охотничьих обществ и промысловых артелей, на что от Н. А. Михайловского неудачно последовало предложение об издании авторского законопроекта «Проект Всероссийского закона об охоте»³¹.

Принятые меры отражают в своей основе не только понимание полного провала законопроекта от декабря 1920 г., но и перенятие удачного опыта реализации советского нэпа, когда частная инициатива с государственной поддержкой, несмотря на все известные издержки (государство сохранило за собой право продажи сырья за рубеж), все же способствовала

²⁵ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–15.

²⁶ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.

²⁷ Маслова П. Основные принципы таможенной политики в ДВР...

²⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 26. Л. 17.

²⁹ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 72. Л. 19–19 об.

³⁰ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–6 об.

³¹ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 68–69.

скорейшему восстановлению нарушенных схем заготовительных цепочек и, соответственно, повышению материального благосостояния охотничье-промыслового населения.

В это же самое время осуществлялась ревизия заготовленного пушно-мехового сырья на центральных складах Центросоюза. Лично осмотрев часть складских помещений и спустя неделю ознакомившись с общими результатами комиссии, Н. А. Михайловский отмечал: «Ревизия показала, что особенно плохо обстоит дело с отчетностью, плохая постановка которой не только лишает возможности судить о деятельности ведомства и правильной постановке его дела, но и привело к крайне нерациональному расходованию средств и невозможности использования их более целесообразно»³². Причинами подобного положения дел послужило отсутствие хозяйственного плана и расчетов, небрежный уровень руководства, граничащий с халатностью, и, наконец, нецелесообразное распределение денежных средств³³.

Удивляет также хаотичность решения охотхозяйственных проблем. Ревизия обнаружила документы переписки руководства Центросоюза с Министерством земледелия [Актимова 2020], где вынесение на обсуждение вопросов заготовок перемешано с посторонними проблемами. Это, прежде всего, пункты 17, 27 и 32, причем последний пункт – это разработка дополнений и изменений к изданным законам о пушнине и рыбной ловле, вопрос, выделенный как «спешный», но находящийся на предпоследнем месте своего рассмотрения³⁴.

Особым положением, требующим, по мнению Н. А. Михайловского, пристального рассмотрения со всех сторон, являлась забота о малочисленных коренных народах республики, главных добытчиках пушнины, живущих прежде всего продуктами оленеводства и охоты³⁵ [Беспалько 2019b; Кириллова 2018]. В этом отношении он был глубоко убежден, что государственная монополизация пушнозаготовок на севере Забайкалья, Камчатке, Сахалине и т. д. должна существовать как нечто незыблемое и подвергающееся справедливому сомнению не иначе как после преодоления местными племенами и народностями

стадии развития, которую позднее Л. Н. Гумилев назвал этническим гомеостазом. Только при монопольном праве охотник-туземец может получить полную стоимость своей пушнины³⁶ [Старцев 2020].

Летом 1922 г. руководству Министерства земледелия было направлено обращение, в котором глава промыслового ведомства предлагал дополнительные меры, направленные на исправление негативных последствий действия декабрьского закона 1920 г. Предлагалось несколько расширить границы принятых ранее положений:

1) кооперацию на уровне министерского предписания обязать выполнять первичные правила – своевременное и полное удовлетворение нужд населения, исключая преследование только коммерческих выгод;

2) в сфере операций охотничье-рыбного промысла наладить полный контакт местных кооперативных учреждений с правлением охотничьих обществ, кружков, артелей и ячеек. При волостных правлениях, церковных приходах и в иных удобных для общения пунктах учредить «Согласительные Коллегии», обязанностью которых будет: а) выработка правил снабжения промысловиков, исключающих отпуск товаров по цене сдаваемой пушнины и не позволяющих таким образом кооперации спекулировать, б) субсидирование их по определенному плану;

3) вменить в обязанность Центросоюзу кооперативов товарищеское руководство профессиональными охотничьими объединениями ради устранения возможного антагонизма на почве конкуренции³⁷.

Далее в нашем исследовании необходимо отразить те выводы, которые Н. А. Михайловским неоднократно выносились на обсуждение с коллегами по министерству и нашли прямое отражение в ряде работ, написанных после 1924 г., когда он был уже штатным сотрудником Читинского лесотехнического техникума³⁸. Он писал, что неприспособленность правительственного аппарата для проведения пушной монополии, а также недостаточность отпускаемых для этой цели оборотных средств имели своим последствием громадный материальный ущерб для охотника вследствие отсутствия сбыта и колоссального падения цен на внутреннем

³² ГАЗК. Ф. Р-616. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.

³³ Там же. Л. 22–22 об.

³⁴ Там же. Л. 28–30.

³⁵ Пушные районы Дальнего Востока и кооперирование туземцев. Вып. II. Материалы по туземному вопросу на Д.В., ред. М. Плотников. Чита: Издание туземного подотдела управления Д.Р.К., 1924. 17 с.

³⁶ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 44. Л. 27–29.

³⁷ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 900–901.

³⁸ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 2. Краткий очерк охотничьих промыслов в Забайкальской губернии; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 12. Лесное хозяйство Забайкалья; ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 33. Водные богатства русского Дальнего Востока и др.

рынке на пушнину. Вместо неудавшейся идеи полной монополии была установлена со значительными послаблениями в сторону частной торговли государственная монополия заграничного экспорта. Экспортную монополию государству оказалось легче осуществить.

Кроме того, как показали дальнейшие события, развивавшиеся в промыслово-сырьевой отрасли экономики в период проведения нэпа, последствия несовершенной экспортной работы госорганов не столь тягостны для промысла, как неудачное проведение полной монополии. С заменой полной монополии монополией экспорта на внутреннем рынке цены на пушнину значительно поднялись, вследствие чего улучшилось положение охотника и его отношение к усиленному налогообложению³⁹. Таким образом, Н. А. Михайловский, не отвергая в принципе идеи пушной монополии, но признавая ее за своевременную необходимость в ограниченной форме реализации, отмечал лишь неудовлетворительность форм ее практического осуществления.

Заключение

Реализация политики государственной монополизации пушнозаготовок в ДВР оказалась по своим последствиям, как для казны, так и населения в целом, глубоко убыточной. Были нарушены проверенные временем схемы заготовок и цепочки поставок пушно-мехового сырья производителям готовых изделий. Контрабандный вывоз за границу по заниженной стоимости значительно усилился, в чем были заинтересованы исключительно организованные преступные группировки. Создать из пушнины аналог золотой валюты не удалось, поскольку ее общее количество в руках правительства республики оказалось недостаточным. Тем временем экономического кризис имел устойчивую тенденцию к усилению.

В сложившихся условиях руководитель промыслового подотдела Н. А. Михайловский смог взять на себя рискованную ответственность за критику правительственных действий и предпринять попытку сглаживания разрушительных последствий принятия закона о пушной монополии. Осознавая закостенелость и неповоротливость большинства сотрудников исполнительной власти, он все же смог изменить ход ситуации к лучшему. Рядом настойчивых обращений к руководству различных министерств ему удалось

реализовать меры, которые к осени 1921 г. привели к отмене злополучного закона и возможности преодоления его негативных последствий в краткосрочной перспективе. Насколько тяжело было работать в обстановке министерского равнодушия к объектам живой природы и простому человеку, свидетельствует одна из его фраз: «Говорить ровным слогом могут люди, для которых описываемое ими не затрагивает мира их души, для людей моего склада, до некоторой степени умопомешанных фанатиков, это невозможно – пишем пером, смоченным соком нервов, посему да будет прощена невольная резкость, если правда, не прикрытая флером, может быть зачтена за резкость»⁴⁰.

Пушная монополия после кратковременного существования сменилась свободной торговлей. Однако, это в свою очередь вело также и к отрицательным последствиям. Занимаясь научным исследованием проблем разработок биологических ресурсов на концессионных началах, Н. А. Михайловский предупреждал, что пушной промысел на Дальнем Востоке может захватить частный капитал, в особенности иностранный. Отчасти так и случилось после ликвидации ДВР и проведения нэпа [Бонч-Осмоловский 1923: 400–420; Орнацкая, Ципкин 2007].

В результате жесткой конкурентной борьбы за сферы экономического влияния промысловая кооперация вследствие более слабой финансовой обеспеченности неизбежно теряла свои позиции. На рынке оставались лишь сильные фирмы-заготовители, такие как Дальгосторг, Дальторг, РАСО (Русско-английское сырьевое общество), ЦАТО, Дальцентросоюз и др.⁴¹, которые могли рано или поздно захватить весь пушной рынок и начать диктовать свои условия и цены на пушнину⁴². Заинтересованность в извлечении из отрасли сверхприбыли путем экстенсивной эксплуатации промысловых угодий при этом сводила возможность ее рационального развития к минимуму, что мы отчетливо видим в целевых программах названных организаций⁴³.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

³⁹ Янсон Я. Боевая задача тыла – собрать налог. *Дальневосточный путь*. 1922. № 68. С. 1.

⁴⁰ ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 1147–1149.

⁴¹ ГАЗК. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–25.

⁴² ГАЗК. Ф. Р-1565. Оп. 1. Д. 6. Л. 930–931.

⁴³ ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–26; ГАЗК. Ф. Р-488. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–3 и др.

Литература / References

- Актямова Н. Н. Деятельность министерства земледелия ДВР в 1920–1922 гг. *ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке*: Всеросс. науч.-практ. конф. (Чита, 6–8 апреля 2020 г.) Чита: ЗабГУ, 2020. С. 7–11. [Aktyamova N. N. Activity of the Ministry of Agriculture of the Far Eastern Republic in 1920–1922. *The Far Eastern Republic and the final stage of the Civil War in Siberia and the Far East*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chita, 6–8 Apr 2020. Chita: TbsU, 2020, 7–11. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvxlxqi>
- Бабай А. Н. Государственно-правовое развитие ДВР: исторический опыт, современность, перспективы. Владивосток: ДВГУ, 1983. 196 с. [Babay A. N. *State-legal development of the Far Eastern Republic: historical experience, modernity, and prospects*. Vladivostok: FESU, 1983. 196. (In Russ.)]
- Беляева Н. А. Таможенное дело на Дальнем Востоке России в условиях перехода к монополии внешней торговли (1922–1925 гг.). *Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук*. 2012. № 4. С. 62–70. [Belyaeva N. A. Customs service in the Russian Far East in the conditions of passage to the foreign trade monopoly (1922–1925). *Vestnik of the FEB RAS*, 2012, (4): 62–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qawagp>
- Беляева Н. А., Лаврик Л. А., Ляпустин С. Н., Попенко А. В., Шабельникова Н. А., Щербина Е. М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX века). Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2010. 296 с. [Beliaeva N. A., Lavrik L. A., Lyapustin S. N., Popenko A. V., Shabelnikova N. A., Shcherbina E. M. *Smuggling in the Far East as a historical phenomenon: fighting smugglers in the Russian Far East in the second half of the XIX – early XX centuries*. Vladivostok: Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2010, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uglqwj>
- Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики (1920–1922). *Историко-экономические исследования*. 2019а. Т. 20. № 4. С. 640–664. [Bespalko D. N. Features of development of the raw material sector of the economy in the Zabaikalsk territory during the period of existence of the Far Eastern Republic (1920–1922). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2019а, 20(4): 640–664. (In Russ.)] [https://doi.org/10.17150/2308-2488.2019.20\(4\).640-664](https://doi.org/10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664)
- Беспалько Д. Н. Проблемы регулирования традиционных основ охотничьего промысла малых народов Забайкалья в 1920–1922 гг. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: Междунар. науч.-практ. конф. (Чита, 16 мая 2019 г.) Чита: ЗабГУ, 2019b. С. 116–118. [Bespalko D. N. Problems of regulation of traditional hunting of small ethnoses of Transbaikalia region in 1920–1922. *Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnocultural development of the peoples of Transbaikalia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Chita, 16 May 2019. Chita: TbsU, 2019b, 116–118. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/opzwer>
- Бонч-Осмоловский А. Ф. Пути и рынки сбыта русской пушнины. *Рыбные и пушные богатства Дальнего Востока*. Владивосток: Научпромбюро Дальрыбохоты, 1923. 400–420 с. [Bonch-Osmolovsky A. F. Ways and markets of Russian fur. *Fish and fur riches of the Far East*. Vladivostok: Nauchprombiuro Dalrybokhoty, 1923, 400–420. (In Russ.)]
- Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда: Всекохотсоюз, 1930. 352 с. [Buturlin S. A. Handbook of the hunter. Vologda: Vsekokhotsoiuz, 1930, 352. (In Russ.)]
- Васильченко О. А. Хозяйственная деятельность переселенцев на Российском Дальнем Востоке: вторая половина XIX – начало XX века. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2010. № 123. С. 11–18. [Vasilchenko O. A. Economic activities of immigrants in the Russian Far East: second half XIX – the beginning of XX century. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2010, (123): 11–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/musnfv>
- Волочаева А. В. Преступность в ДВР и борьба с ней в современной историографии. *ДВР и завершающий этап гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке*: Всеросс. науч.-практ. конф. (Чита, 6–8 апреля 2020 г.) Чита: ЗабГУ, 2020. С. 56–61. [Volocheeva A. V. Crime in the FER and the fight against it in modern historiography. *The Far Eastern Republic and the final stage of the Civil War in Siberia and the Far East*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Chita, 6–8 Apr 2020. Chita: TbsU, 2020, 56–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iiblqi>
- Залеская О. В. Контрабанда на границе: взаимодействие населения приграничных территорий российского Приамурья и северной Маньчжурии (1917–1924 гг.). *Россия и АТР*. 2001. № 4. С. 74–83. [Zalenskaya O. V. Smuggling on frontier: Russian Amur frontier and Northern Manchuria (1917–1924). *Russiya i ATR*, 2001, (4): 74–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vadrvx>

- Кириллова А. И. Трансформация охотничьего промысла у коренных народов Камчатки в 1920-х годах. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2018. № 6. С. 43–51. [Kirillova A. I. Transformations of traditional hunting among Kamchatka's indigenous peoples in 1920-s. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (6): 43–51. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.57.6.004>
- Климов Г. Ф. История управления лесами Забайкалья. Чита: Читинская городская типография, 2022. 448 с. [Klimov G. F. *History of forest management in Transbaikalia*. Chita: Chitinskaya gorodskaya tipografiya, 2022, 448. (In Russ.)]
- Константинов А. В., Константинова Н. Н. Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы). Чита: Экспресс-изд-во, 2009. 192 с. [Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. *Transbaikalia: stages of history (1917–1922)*. Chita: Ekspress-izd-vo, 2009. 192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpqolh>
- Ляпустин С. Н. Борьба с контрабандой объектов фауны и флоры на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XXI в.). Владивосток: Владивостокский филиал Российской таможенной академии, 2008. 256 с. [Lyapustin S. N. *Fighting smugglers of animal and plant resources in the Russian Far East in the late XIX – early XXI centuries*. Vladivostok: Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy, 2008, 256. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbbomj>
- Орнацкая Т. А., Ципкин Ю. Н. Концессионная политика Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). *Россия и АТР*. 2007. № 1. С. 5–20. [Ornatskaya T. A., Tsipkin Yu. N. Concession policy of the Far Eastern Republic in 1920–1922. *Russiya i ATR*, 2007, (1): 5–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/isjwjx>
- Позняк Т. З. «Больные вопросы» и внутриполитическое положение Дальневосточной республики в 1920–1922 гг. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2020. № 4. С. 51–62. [Poznyak T. Z. The "painful issues" and the internal political situation of the Far Eastern Republic, 1920–1922. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2020, (4): 51–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2020-4/51-62>
- Саблин И. В. Дальневосточная Республика: от идеи до ликвидации. М.: НЛО, 2020. 480 с. [Sablin I. V. *The Far Eastern Republic: From idea to liquidation*. Moscow: NLO, 2020, 480. (In Russ.)]
- Сонин В. В. Государство и право Дальневосточной Республики (1920–1922 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 296 с. [Sonin V. V. *The state and the law of the Far Eastern Republic (1920–1922)*. Vladivostok: Dalnauka, 2011, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qsbeov>
- Старцев А. Ф. Мероприятия советской власти по организации охотничьего промысла среди аборигенов Приамурья и Приморья. *Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН*. 2020. Т. 28. С. 9–16. [Startsev A. F. Events of the Soviet government on the organization of hunting among the native of the Priamurye and Primorye. *Trudy IIAE DVO RAN*, 2020, 28: 9–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2658-5960-2020-10031>
- Стасюкевич С. М. Сельскохозяйственный экспорт Российского Дальнего Востока в 1920-х гг. *Клио*. 2019. № 1. С. 65–71. [Stasyukevich S. M. Russian Far Eastern agricultural exports in the 1920s. *Clio*, 2019, (1): 65–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zagclr>
- Сухомиров Г. И. Охотничье хозяйство Камчатского края. *Вестник охотоведения*. 2020. Т. 17. № 3. С. 221–232. [Sukhomirov G. I. Hunting economy of the Kamchatka territory. *Vestnik okhotovedeniya*, 2020, 17(3): 221–232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wcyvil>
- Федотов В. И. Торгово-промышленные палаты Дальневосточной Республики (1921–1923 годы). *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2008. № 5. С. 150–153. [Fedotov V. I. Chambers of commerce of the Far Eastern Republic (1921–1923 years). *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2008, (5): 150–153. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jvblgt>
- Ципкин Ю. Н., Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). Хабаровск: Б. и., 2008. 243 с. [Tsipkin Yu. N., Ornatskaya T. A. *Foreign policy of the Far Eastern Republic in 1920–1922*. Khabarovsk, 2008, 243. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykeimk>
- Шабельникова Н. А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. М.: Проспект, 2016. 144 с. [Shabelnikova N. A. *Law enforcement agencies against crime in the Russian Far East in the 1920s*. Moscow: Prospekt, 2016, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snafhu>